

УДК 93/94

**МЕЖДУ НАМЕСТНИКОМ И МИНИСТРАМИ:
РОЛЬ В. П. БУТКОВА В РАБОТЕ КАВКАЗСКОГО КОМИТЕТА
(1845–1854 ГГ.)¹**

Урушадзе А. Т.

*Южный научный центр Российской академии наук,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
E-mail: aturushadze@sfn.ru*

В статье рассматривается служба и карьера В. П. Буткова в связи с проблемой управления южной окраиной Российской империи. В. П. Буткову удалось превратить «техническую» во многом позицию управляющего делами Кавказского комитета в ключевой пост посредника-медиатора в противоречивых, а порой, и прямо враждебных отношениях кавказского наместника и министров – членов высшего территориального комитета. Анализ того, как это стало возможным и на чьей стороне в противостоянии Тифлиса (административного центра Кавказского наместничества) и Петербурга оказывался В. П. Бутков, посвящена предлагаемая статья. В ней приводятся подробные сведения об основных этапах карьерного развития В. П. Буткова и наградах, им полученных. Эмпирической основой статьи стали документы из фондов Российского государственного исторического архива.

Ключевые слова: В. П. Бутков, Российская империя, Кавказский комитет, Кавказ.

Владимира Петровича Буткова можно назвать человеком второго плана в истории [2]. Самый, возможно, талантливый отечественный чиновник-канцелярист занимал на протяжении службы множество ответственных постов: управляющий делами Кавказского комитета, управляющий делами Сибирского комитета, управляющий делами Комитета министров, председатель Особой комиссии для изготовления проектов уставов уголовного и гражданского судопроизводства и судоустройства. Однако он никогда не руководил деятельностью высших или центральных государственных институтов. Этим объясняется дефицит специальных работ о жизни и карьере В. П. Буткова в современной историографии.

Ему и его выдающимся профессиональным качествам посвящены несколько страниц монографии А. В. Ремнева о Комитете министров [9, с. 257–262], управляющим делами которого В. П. Бутков являлся в 1850–1853 гг., а в период с 1 мая 1849 г. по 1 января 1850 г. исправлял должность помощника управляющего делами Комитета министров. Упомянут В. П. Бутков и в статье Г. Г. Лисицыной об институциональном формировании и функциях Кавказского комитета [4], в котором чиновник так же занимал должность управляющего делами.

В. П. Буткову удалось превратить «техническую» во многом позицию управляющего делами Кавказского комитета в ключевой пост посредника-медиатора в противоречивых, а порой и прямо враждебных отношениях кавказского

---

¹ Исследование выполнено за счет средств Российского научного фонда проект № 17-78-20117 «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли».

наместника и министров – членов этого высшего территориального комитета. Анализу того, как это стало возможным и на чьей стороне в противостоянии Тифлиса (административного центра Кавказского наместничества) и Петербурга оказывался В. П. Бутков, посвящена предлагаемая статья. Ее эмпирическую основу составили документы архивных фондов Российского государственного исторического архива.

В. П. Бутков родился 10 апреля 1813 г. в семье известного историка-кавказоведа и лингвиста П. Г. Буткова, занимавшего должность правителя канцелярии главноуправляющих в Грузии К. Ф. Кнорринга (в 1801–1802 гг.) и П. Д. Цицианова (в 1802–1803 гг.). В 1869 г. уже после смерти П. Г. Буткова были опубликованы его «Материалы для новой истории Кавказа» в трех томах [1].

В. П. Бутков получил образование в Санкт-Петербургском высшем училище, которое закончил в 1832 г. В том же году В. П. Буткова приняли на службу в канцелярию Военного министерства [14, л. 2]. Интересно, что он получил свою первую должность «без производства жалованья, впредь до усмотрения его способностей» [10, л. 7]. Способности и усидчивость молодого чиновника оказались высшей степени и начальство не уставало поощрять службу В. П. Буткова. Первым свидетелем неутомимости В. П. Буткова в канцелярской работе стал директор канцелярии Военного министерства М. М. Брискорн, пользовавшийся самым широким доверием министра А. И. Чернышева. «...Бутков в особенности заслуживает внимания по хорошим его способностям...», – писал М. М. Брискорн А. И. Чернышеву 24 июня 1833 г., испрашивая согласия министра на выплату В. П. Буткову единовременного жалованья в размере 750 рублей [10, л. 7].

22 апреля 1834 г. В. П. Бутков «в награду отличной усердной службы» был произведен в коллежские секретари, а три дня спустя его назначили на должность помощника начальника особой экспедиции по делам общим и секретным канцелярии Военного министерства [14, л. 2]. С этого времени В. П. Бутков был постоянно на виду у А. И. Чернышева, который имел вполне оправданную репутацию одного из любимцев императора Николая I. Постепенно военный министр привык доверять талантливому чиновнику, успешно справлявшемуся со всеми порученными делами.

В 1835 г. В. П. Буткова назначили правителем дел специального Комитета для проверки и составления Свода военных постановлений. Кодификация военного законодательства, начиная с актов петровской эпохи, являлось трудной задачей, сопряженной с напряженной бюрократически-канцелярской работой. Составление Свода военных постановлений было в целом завершено к началу 1838 г. Деятельность В. П. Буткова была отмечена орденом Св. Станислава 2-ой степени. Именно В. П. Буткову была поручена редакция Свода и контроль над его печатанием [16]. Со всем этим чиновник вновь справился блестяще, что было поощрено выплатой 5 тысяч рублей ассигнациями [14, л. 6]. В последующие несколько лет (1839–1840 гг.) В. П. Бутков работал над составлением продолжений к Своду военных постановлений и алфавитного указателя к нему.

Весной 1841 г. В. П. Бутков впервые занял должность управляющего делами профильного высшего комитета по южной окраине империи (подменив на время

М. П. Позена, который отправился в отпуск), который тогда именовался Комитетом об устройстве Закавказского края. Его назначение было связано как с имеющимися заслугами, так и с тем, что его отец был известным ученым – знатоком Кавказа. Необходимо отметить и еще одно важное обстоятельство: председателем Комитета об устройстве Закавказского края являлся военный министр А. И. Чернышев, давно знавший В. П. Буткова и ценивший его профессиональные качества.

Именно в 1840–1841 гг. Комитет об устройстве Закавказского края приобрел важное институциональное значение во властной вертикали Российского государства. Комитет контролировал работу специальной Комиссии для составления положения об управлении Закавказским краем, которую возглавлял сенатор П. В. Ган [15]. Комиссия П. В. Гана должна была провести тотальное реформирование административно-судебных учреждений на территории Южного Кавказа. Фундаментальностью задачи, обсуждаемой в Комитете об устройстве Закавказского края, объясняется его представительный состав, который в 1840 г. дополнили министр финансов Е. Ф. Канкрин и министр государственных имуществ П. Д. Киселев [5, с. 301].

После провала административной реформы П. В. Гана, в которой, по словам М. А. Корфа, «многое на деле оказалось не соответствующим местным нуждам, даже невозможным в исполнении; другое, противное нравам и навыкам жителей, возбудило ропот, недоразумения, вящие неурейства...» [3, с. 174], статус территориального комитета только повысился.

В 1842 г. Комитет по устройству Закавказского края был переименован в Комитет по делам Закавказского края. Смена названия закрепляла расширение сферы внимания коллегиального института управления. Если ранее сюда поступали дела, касавшиеся почти исключительно подготовки и проведения административной реформы, то согласно новому положению на рассмотрение комитета направлялись все дела по управлению краем, в которых необходимо было участие императора [6, с. 891].

Для В. П. Буткова 1842 г. начался с продолжительной командировки на Кавказ, куда он отправился вместе с управляющим делами Комитета по делам Закавказского края статс-секретарем М. П. Позеном, которому поручили ревизию административных и судебных институтов Южного Кавказа. В. П. Бутков занимался проверкой присутственных мест в Каспийской области (Талышинский, Шекинский и Ширванский уезды), Грузино-Имеретинской губернии (Джаробелоканский и Телавский уезды), а также ревизовал Тифлисскую городскую полицию [14, л. 11–12].

Рапорты В. П. Буткова о проведенной им ревизии уездных судов, казначейств и полиции представляют собой многостраничные документы с обилием цифр и фактов [10, л. 120–132]. Он был ревизором обстоятельным и беспощадным. Так, например, несмотря на все старания телавского уездного начальника выгородить себя и объяснить допущенные по службе упущения, В. П. Бутков в рапорте М. П. Позену отметив неспешность работы окружного суда, добавил, что «с движением новых дел заметна также чрезвычайная медленность, как в

рассмотрении старых» [10, л. 114]. В столицу, В. П. Бутков вернулся 8 августа 1842 г., а уже спустя неделю он был пожалован в коллежские советники.

Спустя год (13 июля 1843 г.) В. П. Буткову поручили управлять делами Комитета по Закавказскому краю. Вскоре его служба была вновь отмечена очередным повышением – 26 марта 1844 г. В. П. Бутков произведен в статские советники, как сказано в формулярном списке, «в воздаяние отлично усердной службы и особых трудов» [14, л. 15].

В конце 1844 г. последовали большие перемены в модели управления южной окраиной империи. Николай I решил назначить на Кавказ наместника с почти неограниченными полномочиями. Первым кавказским наместником стал граф М. С. Воронцов, сохранивший при этом должность Новороссийского генерал-губернатора и наместника Бессарабии. Идея учреждения Кавказского наместничества, вероятно, принадлежала самому императору. Это стало полной неожиданностью для петербургской бюрократической элиты. М. П. Позен, попытавшийся отговорить Николая I от принятого решения, оказался в опале и был отстранен от «кавказских» дел [17, с. 22]. М. С. Воронцов, которому в 1844 г. было уже за шестьдесят, согласился на переезд в Тифлис с условием максимальной свободы от министерского контроля. По утвержденным в 1846 г. особым правилам, которые регламентировали отношения между наместником и центральными ведомствами [8, с. 17–19], М. С. Воронцов получил право непосредственного обращения к председателю Кавказского комитета А. И. Чернышеву и императору Николаю I, обходя мнения министров.

В этой схеме наиболее важные вопросы, связанные с введением новых законов или коренным изменением ранее действовавших регламентов, рассматривались Кавказским комитетом. Именно так с февраля 1845 г. стал именоваться бывший Комитет по делам Закавказского края [7, с. 168]. Ключевой фигурой в обсуждении вопросов управления Кавказом становился управляющий делами Кавказского комитета. Если для министров заседания Кавказского комитета были дополнительными занятиями к основной работе по должности, то для управляющего делами комитета эта работа была главным содержанием и смыслом деятельности. Именно управляющий делами первым получал запросы наместника, мнения министров, а так же вел переписку с этими и другими должностными лицами. Одной из наиболее важных функций управляющего делами было представление мнений и позиций министров на заседаниях Кавказского комитета [13, л. 2], которые главы ведомств посещали далеко не регулярно и с большой неохотой. Управляющий делами Кавказского комитета при наличии определенных навыков мог представить соображения министра в выгодном или, напротив, невыгодном для наместника свете. От бойкости пера и остроты языка управляющего делами зависело решение многих дел Кавказского комитета. Поддержка управляющего делами во многом гарантировала успешное прохождение представлений наместника через Кавказский комитет.

В. П. Буткову покровительствовал военный министр и председатель Кавказского комитета А. И. Чернышев, который находился в приятельских отношениях с М. С. Воронцовым. Американский историк Э. Райлендер справедливо

отметил множественные параллели в карьерах А. И. Чернышева и М. С. Воронцова: они были приблизительно одного возраста, оба выдвинулись в период Наполеоновских войн, имели опыт административного управления на окраинах империи и, наконец, оба достигли большого политического влияния в государстве Романовых [18, с. 144]. К тому же, беспрецедентные служебные права и привилегии кавказского наместника нисколько не тревожили главу военного ведомства, в отличие от других министров. Кавказская война шла с переменным успехом, а до окончательной победы над горцами было еще очень далеко. Уступить ответственность за возможные военные неудачи наместнику было для А. И. Чернышева приятной необходимостью. В отношении же дел гражданского управления многое решалось в Кавказском комитете, который возглавлял военный министр.

Вероятно, именно наличие позитивных неформальных отношений между М. С. Воронцовым и А. И. Чернышевым предопределило то, что В. П. Бутков стал на сторону наместника в его почти непрерывных служебно-иерархических столкновениях с министрами и главноуправляющими. Управляющий делами Кавказского комитета находился в самой тесной деловой связи с канцелярией кавказского наместника. Переписка В. П. Буткова с главой воронцовской канцелярии С. В. Сафоновым насчитывает 900 листов за период с 3 августа 1845 г. по 7 марта 1852 г. [11].

В. П. Бутков стремился сосредоточить рассмотрение всех дел относительно законодательных преобразований на южной окраине империи в Кавказском комитете. Это существенно повышало возможность их решения в пользу Тифлиса. Однако не являлось гарантией успеха. Уже первое столкновение с министрами в Кавказском комитете по вопросу введения на Кавказе свободной торговли встретило горячие возражения главы финансового ведомства Ф. П. Вронченко, преодолеть которые В. П. Буткову, при всем старании, так и не удалось. Заметим, что именно министерство финансов являлось основным оппонентом кавказской администрации на протяжении всего существования наместничества на Кавказе. Министр финансов порой отказывал наместнику даже в выплате пособий и пенсий в размере, определенном Тифлисом. Предвидя жесткое сопротивление министров по ходатайствам наместника, В. П. Бутков писал С. В. Сафонову: «...я с своей стороны готов сделать все, чтобы исполнить желания вашего превосходительства и буду всемерно стараться сделать то, о чем вы изволите писать; но не скрою от вас, что успех дела не всегда зависит от одного меня...» [11, л. 31].

Управляющий делами Кавказского комитета действовал в пользу наместника не по одному только корпоративному раскладу, но, вероятно, и по собственному убеждению. В его письмах С. В. Сафонову есть фрагменты, которые невозможно представить порождением исключительно служебной лести: «Давно уже занимаясь делами Кавказа, я никогда с таким наслаждением не ожидал оттуда почты и не читал тамошних бумаг, как теперь. В каждом слове, в каждой строчке князя Михаила Семеновича видно одно: благодетельное желание чистой, истинной пользы этому несчастному краю. В короткое управление его сиятельства положено начало стольким добрым намерениям, что одно исполнение их заставит край вечно

благословлять имя князя Михаила Семеновича. Как русского меня восхищает еще и то, что князь так заботлив о развитии тех даров, коими природа наградила Кавказ» [11, л. 19].

Несмотря на опасность позиции В. П. Буткова, которая провоцировала конфликты с министрами, недовольными активной поддержкой многочисленных начинаний М. С. Воронцова на Кавказе, служебное положение чиновника и его корпоративный авторитет только укреплялись. В самом начале 1847 г. В. П. Бутков был произведен в действительные статские советники, а спустя год получил статусный подарок императора – золотую табакерку, украшенную бриллиантами с вензелевым изображением царского имени [14, л. 17]. Еще год спустя, В. П. Буткова пожаловали орденом Св. Станислава 1-ой степени. Большое карьерное продвижение случилось у чиновника в 1849–1850 гг., когда он вначале был назначен помощником управляющего делами Комитета министров, а затем и управляющим делами самодержавного правительства. 1 января 1851 г. В. П. Бутков был пожалован в статс-секретари, в которые обычно производились только особенно доверенные министры. Звание статс-секретаря давало право личного доклада царю.

В заключении отметим, что продвижение В. П. Буткова по Табели о рангах, а также укрепление его авторитета в неформальной сфере, привели к изменению тональности в отношениях управляющего делами Кавказского комитета с преемниками М. С. Воронцова на посту кавказского наместника. Если первый кавказский наместник обращался лично к В. П. Буткову только по «техническим» вопросам (о назначении выплат чиновникам, устройству кавказских уроженцев в столичные университеты), то А. И. Барятинский уже обсуждал с управляющим делами принципиальные вопросы устройства управления на южной окраине империи [12]. В.П. Бутков занимался подбором кадров для административных институтов Кавказского наместничества и по-прежнему «продавливал» интересы Тифлиса в Петербурге.

Список использованных источников и литературы

1. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 г. Ч. I – III. – СПб.: Типография императорской академии наук, 1869.
Butkov P. G. Materialy dlya novoj istorii Kavkaza, s 1722 po 1803 g. Ch. I – III. – SPb.: Tipografiya imperatorskoj akademii nauk, 1869.
2. Корзун В. П., Колеватов Д. М. На первый-второй рассчитайсь: человек второго плана как исследовательский проект // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 28. – М.: «Наука», 2009. – С. 342–357.
Korzun V. P., Kolevatov D. M. Na pervyj-vtoroj rasschitajs': chelovek vtorogo plana kak issledovatel'skij projekt // Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noj istorii. Vyp. 28. – M.: «Nauka», 2009. – S. 342–357.
3. Корф М. А. Записки. – М.: Захаров, 2003. – 720 с.
Korf M. A. Zapiski. – M.: Zaharov, 2003. – 720 s.
4. Лисицына Г. Г. Кавказский комитет. 1845–1882 // Клио. Межвузовский журнал для ученых. 1997. №. 2. С. 140–148.
Lisicyna G. G. Kavkazskij komitet. 1845–1882 // Klio. Mezhvuzovskij zhurnal dlya uchenyh. 1997. №. 2. S. 140–148.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. XV. Ч. I. № 13413. – СПб.: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1841.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie II. T. XV. Ch. I. № 13413. – SPb.: V tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelyarii, 1841.

6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. XVII. Ч. I. № 16008. – СПб.: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1843.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie II. T. XVII. Ch. I. № 16008. – SPb.: V tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelyarii, 1843.

7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. XX. Ч. I. № 18702. – СПб.: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1846.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie II. T. XX. Ch. I. № 18702. – SPb.: V tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelyarii, 1846.

8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. XXI. Ч. I. № 19590. – СПб.: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1847.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie II. T. XXI. Ch. I. № 19590. – SPb.: V tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelyarii, 1847.

9. Ремнев А. В. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). – М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. – 511 с.

Remnev A. V. Samoderzhavnoe pravitel'stvo: Komitet ministrov v sisteme vysshego upravleniya Rossijskoj imperii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka). – M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya, 2010. – 511 s.

10. Российский государственный исторический архив. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 1.

Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv. F. 1250. Op. 2. D. 1.

11. Российский государственный исторический архив. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 10.

Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv. F. 1250. Op. 2. D. 10.

12. Российский государственный исторический архив. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 13.

Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv. F. 1250. Op. 2. D. 13.

13. Российский государственный исторический архив. Ф. 1268. Оп. 3. Д. 266.

Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv. F. 1268. Op. 3. D. 266.

14. Российский государственный исторический архив. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 15.

Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv. F. 1349. Op. 5. D. 15.

15. Российский государственный исторический архив. Ф. 561. Оп. 1. Д. 206.

Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv. F. 561. Op. 1. D. 206.

16. Свод военных постановлений. Ч. I–V. – СПб.: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1838–1839.

Svod voennyh postanovlenij. Ch. I–V. – SPb.: V tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelyarii, 1838–1839.

17. Rhineland A. The Creation of The Caucasian Vicegerency // The Slavonic and East European Review, Vol. 59, No. 1 (Jan., 1981), pp. 15–40.

18. Rhineland A. Prince Michael Vorontsov. Viceroy to the Tsar. – London; Buffalo: McGills University Press, 1990. – 312 p.

Urushadze A. T. Between the viceroy and ministers: the role of V. P. Butkov in the work of the caucasian committee (1845–1854)

The article deals with the service and career of V. P. Butkov in connection with the problem of management of the southern outskirts of the Russian Empire. V. P. Butkov managed to turn the «technical» position of the Caucasian Committee's manager into a key post of mediator into contradictory and sometimes directly hostile relations between the Caucasian Viceroy and the Ministers – members of the supreme territorial committee. Analysis of how this became possible and on whose side in the confrontation between Tiflis (the administrative center of the Caucasian vicegerency) and St. Petersburg was V. P. Butkov, devoted to the proposed article. It provides detailed information about the main stages of career development of V. P. Butkov and awards received by him. The empirical basis of the article is the documents from the funds of the Russian state historical archive.

Keywords: V. P. Butkov, Russian empire, The Caucasus Committee, Caucasus.